

колебимым, даже когда Трифон, рассматривая пророчество Исаии о рождении Мессии от Девы, обвиняет христиан в подражании языческим мифам.

В заключение хотелось бы заметить, что «Диалог» представляет собой единственное в своем роде литературное произведение: умело используя литературную форму рамочных диалогов Платона, св. Иустин удивительно тонко и на свой манер воспроизводит ее наиболее существенные элементы в своем труде. При этом столь удачно выбранная Платоном литературная форма впервые служит для выражения христианского содержания, что позволило мч. Иустину создать замечательный текст, в котором даже полемические части служат интересам назидания и вразумления. Возможно, данный шаг был также обусловлен стремлением св. Иустина задать общий стиль и тон богословских бесед в его школе, поскольку этот труд св. Иустина как активного члена Римской Церкви, создавался, как нам представляется, в первую очередь в расчете на сочувственное внимание членов его общины и тех, кто был ближе всего к нему самому в качестве членов его кружка (философской школы), его учеников⁷⁸.

Таким образом, именно благодаря столь нестандартному подходу св. Иустина стало возможным появление среди жемчужин литературы I–II вв. христианского произведения, ориентированного на классический язык и композицию диалогов Платона, которое завершается молитвой его святого автора и героя об обретении его собеседниками высшего блага — веры во Христа Божия⁷⁹.

А. Б. Григорьев
(ПСТГУ)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРСЕНИЙ МАЦЕЕВИЧ В ГРАЖДАНСКОМ, УГОЛОВНОМ И ЦЕРКОВНОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Личность священномученика Арсения Мацеевича, митрополита Ростовского, выдающегося защитника церковных имуществ, богослова, писателя, блестящего полемиста, стала предметом исторического рассмотрения довольно давно. Пожалуй, никто из архиереев XVIII в. не устаивался и не устаивается таких полярных взглядов, как Ростовский архиерей. Впрочем, есть в описании личности Арсения и общие для многих трудов места. Все они признают горячий и несдержанный характер Ростовского владыки и, надо сказать, не без основания. Да и сам Ревельский узник напишет на стене своей камеры: «Благо, яко смирил мя еси». Однако человеческую горячность, вполне прощаемый для человека недостаток, комментаторы часто подменяют словами «нетерпимость», «фанатизм», «человеконенавистничество». Так ли это и где, собственно, проявлялось это качество личности святителя Арсения, легко выяснить, рассмотрев историю участия Ростовского митрополита в судебных делах, которых за его долгое архиерейство было немало. В данном исследовании намеренно не рассматривается дело об аресте митрополита Арсения 1763 г. и последующих событиях как достаточно широко рассмотренных в исследованиях священника М. Попова, протоиерея М. Диева, Т. Барсова, епископа Диомида и многих др.

Первым делом, которое затронуло личность тогда еще иеромонаха Арсения, было дело лейтенантов Муравьева и Павлова, участников второй камчатской экспедиции Беринга. Оба лейтенанта были вызваны на суд по не вполне понятным причинам, как пишут, «за многие непорядочные, нерадетельные, леностные и глупые поступки»¹. Было ли то привычное в тех широтах пьянство, «ссоры ли с местным населением и между собой за власть»², как пишет в своем исследовании епископ Диомид, или лейтенанты просто заплатились за неуспех экспедиции, сорвавшейся действительно по их вине, но оба они, и Муравьев, и Павлов, были разжалованы в солдаты, а иеромонах Арсений, вывезенный под арестом из Пустозерска, выступал скорее в роли

⁷⁸ Известно, что у св. Иустина была в Риме некоторая школа. Об этом пишет в своей «Патрологии» Пападопулос: «Школу, существовавшую, вероятно, в доме некоего Мартина близ Тимотинских бань, посещало большое количество учеников, среди них и язычники — а это показывает не только широту намерений и программы Иустина, но и его успех как учителя. Какими были программа и содержание уроков Иустина в первой христианской богословской школе, нам неизвестно. Однако несомненно, что «Апологии» и «Диалог» прекрасно демонстрируют суть его преподавания. Также несомненно, что новый философ-христианин стал быстро известен в Риме и не останавливался перед опровержением языческих философов» (*Пападопулос С. Г.* Патрология. Изд-во Греко-латинского кабинета. В печати). В наших Свяцах названы имена 6 учеников, принявших мученическую кончину вместе со св. Иустином в Риме ок. 166 г. (1 июня по старому стилю).

⁷⁹ Ibid. 142. 3.

¹ Маркин В. Великая Северная экспедиция 1733–1743 годов // Вече. 2002.

² Диомид (Дзюбан), еп. Митрополит Арсений (Мацеевич). М., 2001. С. 14.

свидетеля, и за неимением никакой вины вскоре был отправлен назад и стал участником еще двух северных экспедиций. Единственным последствием для отца Арсения этого дела был запрет на выезд в Лондон, куда прочили его покровители³.

Следующим, достаточно широко описанным случаем из биографии отца Арсения было исследование Синодом обстоятельств кончины ярославского игумена Трифона, запоротого «цепками» 85-летнего старика, не сдавшего экзамена в бытность отца Арсения законоучителем и экзаменатором ставленников. Как ни называть произошедший факт — «неразумной ли ревностью»⁴ или «изуверской жестокостью»⁵, — безусловно, он был и остается черным пятном на биографии Арсения Мацевича. Впрочем, предлагаю взглянуть на произошедшее другими глазами. Что должен был знать ставленник в понимании иеромонаха Арсения? Толкование Символа веры, семь Таинств и Декалог. Проверка этих, элементарных, в сущности, знаний показывает катастрофическое незнание их не только ставленниками, но и уже лицами рукоположенными, давно и на высоких степенях исполняющих священнослужение. Как тяжело, должно быть, было ему, ученому иеромонаху, сознавать убогость богословских знаний испытуемых, как непонятна ему должна была быть их леность в постижении того, что должно было составлять основу их мировоззрения, не понимал он, видимо, и простой народной бытовой обрядовой веры провинциальных священников, не входивших в богословствование, бравших другим, народным благочестием.

Об образовательном уровне монашества и священства того времени доносит до нас исследование П. В. Знаменского: «...под конец царствования (Анны Иоанновны. — А. Г.) в монашестве, как в рядовом, так и в ученом, чувствовалось крайнее оскудение, и Святейший Синод не переставал высказывать серьезные опасения касательно самого его существования»⁶. Дьячками и пономарями становились те, «которые за тупостию к учению... отставлены от семинарии, или ногой в оной не бывали...»⁷, а священнические и диаконские должности исправляли люди, достигшие только риторского класса. «Вследствие такого... посвящения высшие классы семинарий пустели»⁸, в них не оставалось ни одного ученика. Если так обстояло дело в столичных городах, то каков же должен был быть уровень в областях?

Так или иначе, но немощный старец Трифон был подвергнут немилосердной пытке — наказанию не только, впрочем, в совершенном соответствии с нравами того времени, но и в полном согласии со взглядами самого Арсения. В своем полемическом труде «Возражение на пашквиль лютеранский...» он пишет: «Тоя автор Каспар в проповеди своей 142-й довольно поучает, и увещевает магистра свои главныи, что не токмо на них гнев Божий, и казнь от Бога непременно грядеша но ради их, и на всех подчиненных, ежели они правосудия не хранят, и подчиненных за грехи не наказуют, и по надлежащему не казнят, автору же Камеия веры таковаж увещевания в догмате о наказании еретиков почему дерзаеши запрещать»⁹. Вслед за своим учителем, митрополитом Стефаном Яворским, Арсений считает наказание прямо предписанным в Священном Писании: «Павел апостол такоже о себе свидетельствует в послании 1 к Коринфяном в главе 4: что хошете? С палицею ли прииду к вам, или с любовью, и духом кротости. По толкованию Златоустову: а еже реши, что хошете? С палицею прииду к вам! На учительский прочее восходящаго. Что же есть жезлом. Мукою, мучением. Жезл убо и палица здесь по Златоустому святому едино значит, сиречь власть апостольскую пастырскую вразумляющую, и наказующую, власть вязати и решити, поражати и исцеляти, власть овцы защищати от волков, волки же отгоняти и мучити»¹⁰.

Пытки и телесные наказания в царствование Анны Иоанновны носили часто совершенно изуверский характер¹¹. Самые названия их способны привести в ужас. Наказание «кошками» или «цепками» тоже выглядит устрашающе. Они представляли собой «плети, изготовленные из паскони (пеньки), обмоченной в горячей смоле, с несколькими хвостами на конце, на которых привязывались крючки из проволоки»¹². Но, как это ни чудовищно звучит сейчас, наказание кошками считалось жестоким, но сравнительно привычным, распро-

³ Диомид (Дзюбан), еп. Указ. соч. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Иконников В. С. Арсений Мацевич: Историко-биографический очерк // Русская старина. 1879. Т. 24—26.

⁶ Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001. С. 351.

⁷ Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 54.

⁸ Князев А. Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ее по проекту устава 1814 г. // ЧОИДР. 1866. Т. 1. С. 51.

⁹ Арсений (Мацевич), митр. Возражение на пашквиль лютеранский нареченный молоток на книгу Камень веры который молоток показался бытии восковый яко воск от лица огня сиречь от слова Божия и самая истины исчезнувший // Григорьев А. Б. Митрополит Арсений Мацевич. Дипломный проект. Приложение 2. Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Анисимов Е. В. Русская пытка и политический сыск в России XVII века. СПб., 2004.

¹² Лизунов П. В. Узники Николо-Корельского монастыря. Архиепископ Новгородский Феодосий Яновский и митрополит Ростовский Арсений Мацевич // Духовная пристань поморов. История Николо-Корельского монастыря: Сб. статей. Архангельск, 2003. С. 152.

страненным. Оно применялось на флоте и считалось флотским аналогом шпицрутенов. Из своих флотских северных экспедиций иеромонах Арсений и привез его. Трудно сказать, сколько немилосердных ударов получали неудачливые кандидаты, но известно, что флотский устав предписывал самое большее 12000 ударов (за вторую кражу), всего устав насчитывал 41 вину, за которую следовало битье кошками¹³. Впрочем, несчастному старику хватило и нескольких ударов. Он умер от боли и унижения, и Иоаким, архиепископ Ростовский, сам известный просветитель, открывший в Ростове Славяно-латинскую школу, подал в Синод жалобу на отца Арсения. По реакции Синода видно, сколь мало придавали тогда значения самому факту телесных наказаний, — как справедливо замечает епископ Диомид, «те, кто проявлял слабость к подчиненным, сами должны были нести ответственность»¹⁴, — законоучителю посоветовали «пытать впредь бережнее». Сам факт смерти игумена Трифона предпочли забыть. Казалось, что такой жестокий опыт должен бы навсегда отвлечь иеромонаха Арсения от практики побоев, но уже в бытность его митрополитом так же, «кошками», был наказан нерадивый священник, запустивший церковь свою до безобразия. Впрочем, предположение П. Лизунова о том, что Арсений Мацеевич собственноручно исполнял свои приговоры, вряд ли истинно. Предание, переданное протоиереем Диевым, об имевшем место наказании кнутом самого Арсения в Казани¹⁵, тоже, скорее всего, недостоверно и имеет, как замечает Попов, целью своей хоть как-то очистить имя Арсения Мацеевича от этого эпизода¹⁶.

Дважды в эти годы Арсений Мацеевич участвует в увещании расколоучителей. Оба раза это были священники: олонецкий поп Евтихий (Максимов) и игумен Мошенского монастыря Иоасаф. Последний вдохновившись небесным видением, ушел в раскол сам и совратил весь свой монастырь. По итогам бесед иеромонах Арсений напишет один из самых замечательных полемических трудов «Увещание Бывшему Мошенского монастыря игумену Иоасафу, за раскол в Соловецком в заключении держащемся, мною нижайшим в тойже обители соловецкой сочиненной». Впрочем, эти случаи не входят в предмет нашей статьи. Отец Арсений не участвовал в суде над раскольниками. Иоасаф вообще был уже осужден и содержался в Соловецком монастыре¹⁷.

В 1739 г. Арсений Мацеевич был привлечен и к делу капитана Возницына. Последний, совращенный еврейским откупщиком Борухом Лейбовым, снял с себя крест, выбросил из дому иконы, отказывался принимать «нечистую» пищу и, наконец, поехав в Польшу, обрезался. Уличенный в жидовстве, Возницын упорно отрицал свое отступничество. Отговорки его были столь нелепы, что возбудили против него всех судей и заставили их сомневаться в его душевном здравии, тем более, что и жена, и слуга капитана показывали, что и в роду его были безумцы, и сам он частенько вел себя неадекватно. Крест потерял, новый купить не успел; обрезания не совершал; обморозился в Польше. Борух Лейбов и вовсе был замешан в убийстве «священника Авраамия, который “чинил ему, жиду, всяческие противности в строении школы”»¹⁸. Сохранившиеся допросные листы, однако, показывают, что в допросах иеромонах Арсений участия не принимал, их проводили игумен Соловецкого монастыря Варсонофий и лично глава Тайной канцелярии А. Ушаков. Можно предположить, что, несмотря на известную свою неприязнь к малороссам¹⁹, именно архимандрит Варсонофий привлек иеромонаха Арсения к делу Возницына, как уже участвовавшего в полемике с Иоасафом. Несмотря на то что Возницын требовал привести его к исповеди и причастию, уверяя отца Арсения в своем православии, ввиду явного его нераскаяния и лжи его требование не было удовлетворено. По личному распоряжению Анны Иоанновны оба были сожжены. «Дабы далее сие богопротивное дело не продолжилось... обоим казнить смертию — сжечь»²⁰. Как и в случае с Иоасафом увещания отца Арсения остались безрезультатны. Тот малый срок, за который было проведено следствие (дело было очевидное), не дал Мацеевичу возможности достучаться до Возницына. Имя его стало для Арсения почти нарицательным, символом упорной лжи, изворотливости, недоверие его к людям, взгляды которых давали возможность сомневаться в их православии, усилилось.

После хиротонии Арсения митрополитом Сибирским посыпались просьбы и жалобы. Первым с прошением подоспел отставной прапорщик Афанасий Корсунский. Эконом-коллегия направила ветерана на содержание в сибирские монастыри на содержание. Определение увечных и отставных солдат на проживание

¹³ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Телесные наказания в войсках.

¹⁴ Диомид (Дзюбан). Цит. соч. С. 17.

¹⁵ См.: Диев М., прот. Арсений Мацеевич // ЧИОИДР. 1862. Т. 2. С. 2.

¹⁶ См.: Попов М., свящ. Изгнанный правды ради. Жизнь святителя Арсения (Мацеевича). М., 2001. С. 33.

¹⁷ См.: Арсений (Мацеевич), иером. Увещание Бывшему мошенского монастыря игумену Иоасафу, за раскол в Соловецком в заключении держащемся, мною нижайшим в тойже обители соловецкой сочиненной.

¹⁸ Черняк А. «Изумленный» капитан Возницын и Борух Лейбов: смерть на костре // Лехаим. Июль. 2001. Таммуз 5761–5767 (111).

¹⁹ См.: Русский архив. 1899. Кн. 3. № 10. С. 284.

²⁰ Кандель Ф. Очерк времен и событий. Иерусалим: Тарбут, 1990.

в монастыри были совершенно в практике XVIII в. и согласно воинскому артикулу²¹. Солдаты могли быть при этом даже женатыми²² (ряд историков считают, что на проживание в монастыри могли быть определены только вдовы или холостые ветераны, а приписанные к монастырю семейные служивые проживали неподалеку, под его стенами²³). «Вначале инвалиды имели право выбирать монастырь для своего содержания, но вскоре выяснилась неравномерность расселения призреваемых, и назначения инвалидам и их семьям стал осуществлять непосредственно Синод»²⁴. Итак, отставной прапорщик поступал так, как, по всей видимости, было предписано ему Синодом. Однако уже со времени введения положений воинского артикула в епархиях и монастырях наблюдается явное или скрытое сопротивление ему, солдаты и унтеры приносили из армии грубые и невоздержанные нравы и пьянством и буйством своим никак не способствовали духовному деланию монашествующих. К тому же содержание и прокорм солдат был многим монастырям тяжел по финансовым соображениям. Нет потому причины удивляться, что митрополит Арсений, крайне отрицательно относившийся к этой практике, отказывает Корсунскому в весьма резкой форме.

Приехав в Тобольскую епархию, митрополит Арсений почти сразу вступил в конфликт с генерал-губернатором Иваном Афанасьевичем Шиповым, который получил свой пост годом ранее митрополита и к его приезду вел себя точно так же, как при смиренном его предшественнике, митрополите Антонии (Стаховском), то есть «забривал» в солдаты лиц духовного звания, хозяйничал в монастырях, отбирая у монахов здания под государственные нужды, судил монастырских людей светским судом. Все это было совершенно неприемлемо для нового владыки, который видел в Шипове врага не личного, но самого «устроения пастырского дела»²⁵. В монографии епископа Диомида и статье А. И. Алексеева²⁶ весьма поверхностно упомянут конфликт Мацевича с подполковником Никитой Миклашевским. Первый пишет: «Трудное дело миссионерства находило препятствия с той стороны, откуда менее всего можно было ожидать, а именно от начальников, воевод, приказчиков и других представителей светской власти... Миклашевский ... бил до смерти плетью за принятие православия новокрещенных инородцев, а одну новокрещенную девицу выдал замуж за некрещеного татарина»²⁷. Митрополит Арсений за подобные зверства инспирировал судебное преследование Миклашевского, которое, правда, неизвестно чем кончилось, а генерал-губернатор Шипов по жалобам владыки был даже арестован, отдан под суд, лишен губернаторства и принужден был принести извинения митрополиту Арсению. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что опала длилась недолго. Шипов был переведен на командование полком и вскоре уже присутствовал на коронации Елисавет Петровны, а затем пожалован генерал-лейтенантом и отправлен ревизором в Воронежскую губернию. Умер он в 1749 г. генерал-аншефом, но к делам духовным более касательства не имел²⁸.

Каким же образом могли чиновники и воеводы преследовать желающих креститься тунгусов, остяков и вогулов? Об этом прекрасно пишет, на основе документов, Николай Лесков в рассказе «Сибирские картинки XVIII века. Из дел сибирской старины»: «Архивы сибирских консисторий, духовных правлений и губернских и воеводских канцелярий хранят до сих пор множество дел “о небытии”, “о скверноядстве” и “о злоупотреблении простотою” ... В Сибирь вопрос о сыске людей, не бывающих у исповеди, пришёл не сразу, но зато здесь он получил серьёзную постановку. ... Закашики (ревизоры. — А. Г.) объясняли, что многим крещёным людям в Сибири “невозможно отбыть исповедную повинность, потому что вблизи их жительства на весьма далёкое расстояние нет вовсе церквей, а некоторые церкви хотя постройками и окончены, но ещё не освящены и не снабжены утварью, а при других, находящихся в зело бедственном состоянии, издавна нет священников, а где есть и священники, то у тех в говейной поре не бывает ладану и вина, и совершать евхаристию ни на чём и невозможно”. “А люди хотя и окрещены, но остались в первобытной дикости, и кочуют и скитаются в местах недоступных” ... Что значит “скверноядство”? Это то, если человек ест что-нибудь “скверное”, т. е. “непоказанное ему для употребления в пищу”. Скверное это не у всех одно и то же: в старой Руси скверным почиталась телятина и теперь многими почитается за “скверно” — угорь, налим, минога, раки и устрицы, мясо козы, зайца, голубя и черепахи и т. д. В Сибири на огромных пространствах, где кочуют “народцы”, нет ни посевов, ни убойного скота, имеющего раздвоенные копыта и отрывающего жвачку, а потому кочевники употребляют в пищу всё, что можно съесть, и между прочим мяса “животных, не показанных” по требнику, а именно: “медвежью говядину, соболей и белок”. Дикари ели эту пищу всегда, с тех пор как живут, и пока

²¹ См.: *Бобровский П. О.* Военное право в России при Петре Великом. Артикул воинский, с объяснениями преобразований в военном устройстве и в военном хозяйстве по русским и иностранным источникам. СПб., 1886. Ч. 2. Вып. 2. С. 462–482.

²² См.: *Лебедев А.* Отставные военные на монастырских порциях в монастырях. М., 1881. С. 3.

²³ См.: *Фирсова В. В.* Общественное призрение военных и их семей в дооктябрьской России // Вестник РАН. 1996. Т. 66. № 8. С. 750.

²⁴ *Щербинин П. П.* Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVII — нач. XX века // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 225.

²⁵ *Диомид (Дзюбан), еп.* Цит. соч. С. 25.

²⁶ См.: *Алексеев А. И.* Арсений (Мацевич), священномученик // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 388.

²⁷ *Диомид (Дзюбан), еп.* Цит. соч. С. 27.

²⁸ См.: *Описи Высочайших указов за XVIII в.*

они не был окрещены Иннокентием Кульчицким, им и не представлялось, что это “скверно”. Впрочем, и св. Иннокентий, зная местные условия жизни, взысканий за эту “скверность” не налагал. Но теперь настала пора извлечь из этого выгоду. Сибирские духовные положили очищать “скверноядущих” дикарей особою молитвою, а за прочтение её наложили “новый яsak” с таксациею: 1) за ядение медвежьей говядины — одна цена; 2) за ядение лисьего и соболяго мяса — другая; 3) за белок и иных меньших зверков — третья. За всё это пошли сборы очень прибыльные, но и хлопотливые, так как надо было “следить за скверноядцами, и настигать их”, и тут их “обкладывать и очищать молитвою”, чтобы они потом вновь начинали “скверно есть” наново»²⁹. Злоупотребления, и со стороны чиновников, и со стороны недостойных священнослужителей приняли широчайший размах. Пользуясь необразованностью аборигенов, их беззащитностью перед властями и вместе с тем кощунственно используя их детскую веру, чиновники и духовные беззастенчиво обирали дикарей. Все это вызвало сильнейшее негодование митрополита Арсения. Он, как пишет Лесков, «горой встал с непобедимой дерзостью» на защиту обижаемых новокрещенных против грабежа властей.

Но не только вогулы, да якуты были взяты под защиту грозным митрополитом. Своих духовных разными винами провинившихся, а чаще не сдавших положенную взятку, преосвященный Арсений тоже вытаскивал из заточения. Остались скупые свидетельства об одном из таких дел, священника Михаила Степанова. Владыка пишет: «Почтенно требуем, дабы соблаговолено было священника Михаила Степанова из-под караула освободить и прислать нашему архиерейству, а что по следствию об нем и буде он в чем явится виновен, в том... поступлено с ним будет и в нашем духовном правлении, как святые правила и указы повелевают, неотменно»³⁰. По издевательски вежливому тону требования видно, что архиерейскому суду отец Михаил ничем виновен не явится. Совершенно очевидно, что Степанов был из тех достойных священнослужителей, которые стеснялись дел «о чухонской простоте» и, как следствие, денег в мошну чиновничью не добавляли или не умел вести т. н. «исповедных росписей»³¹. Более ничего об этом деле не известно. И вскоре поборы прекратились. Год с небольшим провел митрополит Арсений на Сибирской кафедре, но и после его перевода в Ростов воодушевленные духовные все смелее давали отпор сибирским самовластным воеводам.

С переводом митрополита Арсения в Ростов начался новый этап противостояния яростного владыки с Эконом-коллегией.

Встречали дорогого гостя пышно, пушечные залпы разорвали тишину патриархального Ростова. Во главе многолюдной процессии городских чиновников, дворян, духовенства шел эконом архиерейского дома. После торжественного богослужения, приветственных слов и речей владыка преподал свое архиерейское благословение граду Ростову и людям его и вступил в свой архиерейский дом, где уже ждал его с хлебом солью сам управитель Иван Горицкий³². Личностью этот Горицкий был замечательной. Первейший был жулик. И продержался еще долго. О судьбе его рассказывает С. А. Троицкий: «Первой жертвой митрополичьей строгости стал сам управитель канцелярии Горицкий. Он допускал злоупотребления при раздаче жалования... брал поборы и взятки, сдавал крестьян в солдаты без жеребья и т. д.»³³. Троицкий неточен. Еще в 1755 г. хитрый вор упоминается как управитель³⁴. Более того, фактически Горицкий некоторое время пользовался защитой митрополита Арсения от Коллегии экономии, которая также имела желание посадить управителя, на которого пожаловались церковные крестьяне³⁵. Впрочем, по формулировке этой промемории 1842 г. можно сделать вывод, что более всего митрополита заботила не личность Горицкого и его настоящие и мнимые вины, а сам факт того, что подначальный ему и, следовательно, ему только подсудный человек изъят для суда во враждебное ведомство. В истории Ростова Великого более светлой памяти удостоились его родственники — знаменитые мастера финифти Иван Алексеевич и Иван Яковлевич Горицкие. В общем, после 1755 г. Горицкий попал под суд и лишился своего доходного места.

Продолжается и противодействие владыки с солдатами и инвалидами, которых в больших количествах по-прежнему присылает Экономическая коллегия, стремясь поставить их как соглядатаев при каждом монастыре, каждом храме. Отставники, которые должны бы были быть благодарным за предоставленный при-

²⁹ Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1989. Т. 12. С. 137–185.

³⁰ Ярославские Епархиальные Ведомости. 1868. № 4. С. 6.

³¹ См.: Диомид (Дзюбан), еп. Цит. соч. Прил. 9: Доношение Арсения об исповедных росписях от 31 января 1746 года.

³² О прибытии в Ростов Арсения, митрополита Тобольского в 1742 г. Сборник. 1* скоропись, 1833. Ярославский Государственный областной архив. № 344 (907).

³³ 1) Ярославские Епархиальные ведомости 1868 г. С. 227, неофициальной части. 2) Консistorское дело от 1743 года за № 55 по Архиву (цит. по: Троицкий С. А. Арсений III Мацеевич, митрополит Ростовский и Ярославский. Жизнь и деятельность. 1900. Т. 1. 4* скоропись (част. автограф) // Ярославский Государственный областной архив. № 344 (906). С. 10).

³⁴ Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския из ростовской Святейшаго правительствующаго Синода Члена Преосвященнаго Арсения Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Духовной консистории. ГМЗРК Р-287 Л. 178–179 (цит. по: Субботина Т. Ю. План посада г. Ростов 1755–1759 гг. // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2002. Ростов, 2003).

³⁵ Диомид (Дзюбан), еп. Цит. соч. С. 38.

ют и содержание, платили за добро доносами и смутой. Так родилось дело по доносу солдата Лисина³⁶. Лисин был приписан к порции ростовского монастыря. За отлучку и предосудительное поведение Лисин был лишен содержания, а когда после загула хотел вернуться, то место его оказалось занято. Тогда Лисин пожаловался на владыку, утверждая, что пострадал за правду, за обличение беспорядков монастыря. Надо сказать, что Лисин действительно мог пострадать за правду, ведь в обязанности военных, приписанных по церквам, и входило наблюдение за порядком и благочинием. Однако скорее всего солдат Лисин просто запил. Тем не менее, была назначена проверка, которая показала невиновность монастырских насельников, а сам Лисин показан был беглым, смутьяном и бродягой. Экономическое же исследование показало, что квартиранты получали денег более, нежели те монахи, которые дают им приют. Митрополит Арсений еще более остается убежденным в необходимости отмены обычаев подобного квартирования. Он пишет, что поборы, которым подвергалась Церковь, и ее призрение за инвалидами было еще понятно во времена Петра Великого «по тогдашней нужде жестокой войны со шведом»³⁷, но ныне он воспринимает происходящее как грабительство.

Однако победа преосвященного была временной и некрепкой. Вскоре он оказывается участником другого процесса — о судьбе колодника Крылова. Крылов этот был осужденным убийцей своей жены, на каторге удачно имитировал сумасшествие и был прислан на содержание, в рамках т. н. тюремной повинности, в один из ростовских монастырей. Преосвященный митрополит, по-видимому, встретился с присланным и, разгадав симуляцию, был поражен как наглостью и цинизмом нераскаянного преступника, так и поведением Синода и Воеводской канцелярии, которые превращают обители «в каторжные жилища и разбойничьи вертепы». В свойственной ему полемической манере, совершенно не стесняясь в выражениях, ростовский владыка пишет донесение, в котором обвиняет прямо Синод в неисполнении не только исторических указов императора Петра Великого, но и в том, что по своей корыстности светские власти относятся к Церкви Христовой хуже турок и ордынских татар и т. п. Очевидно, что если бы митрополит Арсений ограничился просто изложением дела, на что и указали ему в Синоде, а не делал столь далеко идущих обобщений, то этот его отказ не имел бы последствий и закончился бы так же, как и дела Лисина и Корсунского. Теперь же владыка терпит сокрушительнейшее поражение. Под благовидным предлогом он вызван в Синод и там, стоя, вынужден был выслушать письменную отповедь императрицы, написанную в тоне плохо скрываемого бешенства, с прямыми угрозами подвергнуть Арсения штрафам за неуважение и прямо «клобука лишить... если он будет поступать как помешатель добрых порядков и общего покоя, и яко противник и неприятель Ея Императорского Величества воли». Митрополит Ростовский выслушал выговор, расписался и уехал в Ростов. С этого момента для самого Арсения, должно быть, стало понятно, что конфликт его с Эконом-коллегией — конфликт и с более высокими властными структурами — и что дело ничтожного колодника может стать причиной не только его личного падения, но и поражения всех тех взглядов, какие он и его единомышленники защищали и отстаивали всей своею жизнью.

В том же 1842 г. начался длительный и, пожалуй, самый известный конфликт Ростовского владыки с семейством неких Терпигоревых. Глава этого семейства — Григорий Терпигорев — был человеком эконом-коллегии, назначенным без ведома Мацевича приказным в архиерейский дом, и уже потому не мог рассчитывать на благоволение владыки. Однако он не был лишен места, и когда его родственник, по-видимому, сын, отставной капитан³⁸ Николай Терпигорев, пришел к нему с просьбой вернуть принадлежавшие ранее его семейству имения, митрополит согласился, с тем только условием, чтобы крестьян своими не называть и не чинить им разорения. Таких помещиков, «архиерейским хлебом воспитанных»³⁹, получивших из рук владыки крестьян и земли, епископ Диомид указывает до десяти⁴⁰. К добру, однако, это добросердечие не привело. Получившие власть помещики мгновенно стали считать полученное достояние по праву своим и считаться с пожеланиями и мнениями Ростовских архиереев по этому поводу решительно отказывались. Уместно вспомнить в этой связи дело дворян Артамона и Прасковьи Паниных. Артамон Панин, вернее, отец его, получил свое имение от предшественника митрополита Арсения, митрополита Иоасафа. В 1743 г. Артамон был призван на военную службу, а супруга его, дама весьма широкого образа жизни, стала полноправной «владычицей» имения и крестьян. Проводив супружника, Прасковья первым делом продала 5 человек своих крестьян в рекруты. По истечении малого времени барыня повезла было еще одного несчастного крепостного в солдаты, но тут на медицинском осмотре выяснилось, что «призывник» по состоянию здоровья

³⁶ Священник М. Попов дает фамилию Лисицын (*Попов*. Цит. соч. С. 84).

³⁷ Всеподданнейшее предложение Амвросия Новгородского и Арсения Ростовского, 1742 г. 11 ноября. Цит. по: *Диомид (Дзюбан)*, *еп.* Цит. соч. С. 237.

³⁸ Троицкий указывает Терпигорева секунд-майором (*Троицкий С. А.* Хозяйственные труды митрополита Ростовского и Ярославского Арсения Мацевича и его частная жизнь в городе Ростове. Т. 2. (машинопись) // 1900. Ярославский государственный архив. № 344 (907). С. 31.

³⁹ Дело Терпигорева. 1755 г. Синодальный архив. № 416. Цит. по: *Попов*. Цит. соч. С. 119.

⁴⁰ *Диомид (Дзюбан)*, *еп.* Цит. соч. С. 87.

к воинской службе совершенно не пригоден. «Неудача так обозлила помещицу, что она решила всех своих крестьян поголовно сдать в солдаты»⁴¹. Крестьяне бросились за защитой от такого неслыханного произвола к митрополиту, упали к ногам его и плакали. Человеколюбивый владыка вынес решение «...всех подданных от дому архиерейского крестьян и землю... отобрать и причислить оную всю земельную дачу и крестьян к домовым архиерейским вотчинам»⁴². Дело Прасковьи Паниной побудило преосвященного Арсения начать розыск и исследование по ведению всех переданных имений. Тут же были вскрыты произвол помещиков по отношению к крепостным, обнаружилось убийства и покражи имущества. Ряд помещиков постигла судьба Паниной. Феофилактов, Губастов и некоторые другие лишились своих земель и крепостных. Майор Матвей Обрезков подал было в суд, дело было спорное, о владении землями Ростовского монастыря, и Обрезков его выиграл. Раздраженный общим неповиновением и проигрышем дела преосвященный отлучил все семейство Обрезковых «за нанесенные обиды и разорение церкви Божией»⁴³. Дело шло к тому, чтобы всем дворянам оставаться без архиерейских имений, — разгневанный владыка взялся за проверку с присущей ему горячностью и раздражительностью. Жалобы на архиерея оставались без ответа, преосвященный Арсений все более раздражался, и землевладельцев охватила паника. В это же время в 1744—1745 гг. начинается процедура генерального межевания земли при переписи крестьян⁴⁴. И без того тяжелый процесс, приведший к мятежам и нестроениям во многих губерниях, в Ростове осложнился противостоянием с архиерейским домом. И... большинство дворян смирились. Друг за другом они приходили с повинной головой к митрополиту, и все выдали ему свои владетельные грамоты, жалованные их предкам. Как милости просили они, чтобы владыка оставил им поместья для пропитания их детей. Это была победа. И сердце грозного владыки смягчилось. Всем, принесшим покаяние, «прежние поместья были возвращены... но без крестьян»⁴⁵.

Вернемся, однако, к делу Терпигорева. Как и многие помещики Ростовской губернии, Терпигорев славился своей жестокостью по отношению к крестьянам и, как во всех подобных случаях, владыка послал слугителей принять у Терпигорева владения. Однако посланных архиерейских слуг встретили с оружием. Жена Терпигорева, стоя на крыльце дома, призывала к избиению и убийству приехавших. Избитые слуги вернулись к митрополиту, и преосвященный Арсений пишет жалобу в Воеводский приказ, но безуспешно. Тем временем Терпигорев готовит месть. Слуги его, то ли по приказу, то ли по самоволию, украли сено с архиерейских лугов и порубили архиерейский лес и направились с добычей в свое селение. Владыка Арсений послал погоню, однако и здесь силы оказались неравны — похитители уверились в бессилии архиерея перед грубым насилием и вновь побили митрополичьих слуг. Тогда преосвященный Арсений, Божией милостью митрополит Ростовский и Ярославский, обрушивает на голову мятежного помещика самое страшное оружие, имеющееся в его распоряжении. Терпигорев и его семья подвергаются отлучению от Церкви «паче предерзости Анании и Сапфиры, понеже они свое сущее дерзнули утаить и Церкви пожалеть, сей же Терпигорев... дому Божию имение данное... дерзает самовольно разорять... отлучаем обоих от входа церковного и в дом их ни с какими требами и святынею не входить, и ежели смерть случится им, то погребения христианского не сподоблять и при церкви не погребать»⁴⁶. Эта беспрецедентная мера, ранее применявшаяся только к упорным еретикам и врагам Церкви, шокировала не только помещика, но и Синод. В ответ на жалобу Терпигорева, который ложно сообщает, что и вся челядь, и все крестьяне отлучены от Церкви, Синод требует немедленно разрешить отлученных, так как не находит это наказание достойным за увезенное сено. Однако митрополит оставляет отлучение и, справедливо считая, что дело Терпигорева не случай с сеном, а только крайнее проявление неповиновения духовным властям, которое грозит стать дурным примером для прочих помещиков. И, как показывает история, священномученик оказался прав. Не прошло много времени, как примеру Терпигорева последовали помещики Лыткины. Собрав крестьян, Лыткины решили захватить силой земли Верховского стана, принадлежащие митрополиту. На пути захватчиков встали слугители местной Троицкой церкви. Состоялась драка, в которой один из священников был убит. Вот здесь уже и Лыткиных, и их крестьян, как имеющих общую вину, владыка Арсений отлучил. Синод признал правоту Мацевича и подтвердил его приговор.

Между тем Терпигорев пожаловался-пжаловался, да и думать забыл об отлучении, и только когда его поразила тяжкая болезнь и умирающий почувствовал дыхание адского пламени, тут только помещик испугался. Верный своему пастырскому долгу, митрополит Арсений сам предлагает своему обидчику принести покаяние и немедленно получить прощение. Терпигорев подписал покаянное письмо, составленное Арсением, исповедовал свою вину и раскаялся. Преосвященный Арсений наложил резолюцию: «...по долгу пас-

⁴¹ Консисторское дело от 1743 года за номером 106 (цит. по: *Троицкий С. А.* Цит. соч. С. 18).

⁴² Там же.

⁴³ Ростовское отлучение 1754 г.// *Русская старина.* 1883. Т. 39. С. 555—556.

⁴⁴ См.: *Аверьянов К. А.* Из истории подготовки генерального межевания. М., 1993.

⁴⁵ *Троицкий С. А.* Цит. соч. С. 27.

⁴⁶ *Троицкий С. А.* Цит. соч. С. 32.

тырскому и милосердствуя о душах их, повелеваем тому ж эконому иеромонаху Амвросию онаго Николая Терпигорева и жену ево Катерину по чиноположению церковному исповедать и разрешить и до входа церковного и до всех христианских таинств паки их сообщить»⁴⁷.

Недолго пришлось митрополиту Арсению радоваться своей победе. Выздоровев, Терпигорев подал в Синод новую жалобу, в которой отказался от покаянного письма, утверждая, что подписал его в бреду. Владыка был поражен ложью и коварством помещика. В своем письме он сравнивает Терпигорева с ветхозаветным фараоном: «По писанию надлежит признавати, что точное Фараоново было таковое пред Моисеем покаяние и раскаяние...»⁴⁸. Вспомнил он и нераскаянного капитана Возницына. В конце доношения ростовский владыка оставляет решение дела на усмотрение Синода и Сената, если, пишет он, Терпигорев обижен на него, что митрополит не привлек помещика к уголовному и гражданскому суду, хотя имел возможность и право это сделать, то пусть Синод и Сенат сами решают, каким судом судить Терпигорева. И отлучает Терпигорева вторично. Реакция помещика была истеричной. Он несколько раз, как пишет в письме Императрице Елизавете Петровне, обращался к Арсению с просьбой разрешить его, так как не чувствует за собой никакой вины «не еретик, не раскольник, не волшебник, не богохульник, Церковь, святые иконы и Св. Писание почитает...»⁴⁹, но, как и лжецу Возницыну, митрополит уже не находит в себе сил поверить Терпигореву: «...пастырски о нем яко об овце моей сожалея, тако над ним соделал кая-бо польза ему будет от исповеди и св. Причастия в таком злонравии пребывающему и отстать не хотящему, едино токмо сие ему воспоследует, что приложить беззаконие к беззаконию»⁵⁰, — пишет священномученик в объяснении Синоду.

Чем закончилось дело тяжбы ростовского митрополита и ростовского «фараона» неизвестно — объяснительная Арсения — последний документ в деле. Почему же, действительно, священномученик не обратился с явно гражданским, а потом и явно уголовным правонарушением в мирской суд. Только ли из желания, как считает ряд исследователей, не допускать никого со стороны в решение своих архиерейских дел? Только ли корыстные интересы руководили им, когда он вставал на защиту обижаемых крестьян? Прочтем, что пишет по этому поводу сам священномученик Арсений: «И хотя по рассуждению... правильно предрезность Терпигорева надлежит до гражданского суда, однако не мню, дабы таковой грех обретался, который бы на гражданском суде и наипаче христианском, был бы виной наказания достойной, на духовном же суде не требовал бы покаяния и судим бы был, яко суду Божию неповинен. Без сумнения бо таковой грех възыщется, как то преступление последния заповеди десятиословия, который на гражданском суде не судится и за вину числиться не может, на духовном же суде не возможно ему однако очищаться, токмо чрез покаяние»⁵¹. Это дело как никакое другое представляет нам образ мысли митрополита Ростовского, его взгляды в области пастырского богословия, когда пастырь видит в любом деле прежде всего его духовные истоки и духовное же предлагает лечение, не боясь прибегать и к самому радикальному лекарству по заповеди апостола (1 Кор 5. 5).

Для жития священномученика Арсения вообще характерно полярное и чаще всего предвзятое истолкование его поступков. Характерны в этом отношении несколько дел, в которых речь идет о личном самовосприятии митрополита Арсения.

В число привычек митрополита Арсения входили прогулки, загородные поездки, в которых ему часто сопутствовал его друг фабрикант Затрапезников. Интересно, что Затрапезников парадоксально вошел в историю русского языка. Одежда, выпускаемая его фабрикой, была такого грубого и неряшливого пошива, что человек, одетый в подобную хламиду, стал называться затрапезно одетым. Так вот с этим Затрапезниковым совместно в экипаже и ехал митрополит Арсений. Навстречу проехал ректор местной семинарии Варфоломей Любарский и тоже с другом своим, учителем Хрещатицким. Дело было в Духов день. Сидящий в коляске Любарский нарочно повернулся к собеседнику и не только не остановился под благословение, но и не приветствовал своего архиерея легким кивком. Что уж было в отношении Любарского к Арсению Ростовскому, чем последний обидел гордого директора семинарии, но и с праздниками он Матеевича не поздравлял и под благословение не подходил. «За такую предрезность Арсений Матеевич сильно прогневался на ректора, который своим проступком сделал архиерейской чести немалое уничтожение и к презрению священной особы митрополита на соблазн народа и на радость раскольникам»⁵². Случай этот в дальнейшем стал трактоваться как свидетельство личной гордости митрополита, но подумайте, каково было Божиему архиерею, носителю благодати апостольской, претерпевать такое презрительное поношение и не от простого человека, а от директора семинарии, между прочим, архимандрита Ярославского Спасского монастыря. Что было меж ними, Бог весть, но и на расследовании дела об оскорблении митрополита архимандрит Варфоломей особенного

⁴⁷ Там же. С. 40.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 42.

⁵⁰ Там же. С. 44.

⁵¹ Там же. С. 37.

⁵² Ректор семинарии Варфоломей Любарский // Ярославские епархиальные ведомости. 1894. С. 594–607.

раскаяния не проявил: «...не являлся к благословию он потому, что, во-первых, был болен, а во-вторых, не знал местного обычая поздравлять владыку с праздниками. Относительно же злосчастной встречи на лугу объяснил, что хотя он и видел карету... но по совету учителя Хрещатицкого не осмелился присоединиться к чужой компании»⁵³. То ли не видел, то ли видел, но не хотел мешать. Архимандрит с 1738 г. не знает обычаев не митрополитом Арсением заведенных...

В ответ на свое публичное унижение владыка унижил архимандрита: запретил ему служить с церемонией, т. е. употреблять за службой рипиды и осенять молящихся свечами. Впрочем, вскоре архимандрит Варфоломей стал епископом Вятским и Великопермским⁵⁴, мирно почил в 1774 г. и похоронен в Вятском кафедральном соборе. Чего между своих не бывает.

Дело посадского человека Говядинова⁵⁵. Очень похоже на дело Любарского, только подследственный попроще. При встрече с каретой архипастыря не остановился, не снял шапку, не поклонился. Тут же был взят под руки и препровожден для дознания: не имеет ли в себе духа раскольничьего или жидовского. Привезли духовника Говядинова, и тот засвидетельствовал православие подследственного. Не узнал кареты, шел, задумался. Надо думать, отпустили.

Еще одно дело об оскорблении святейшей особы «пастыря, мир и благоволение сретающим подающему», интересно высказыванием самого Арсения, касательно всех этих дел. Петр Донской, секретарь Ярославской Провинциальной канцелярии, «дерзал собственную его Архиерейскую персону на соблазн многим укорять и безчестию безстыдными словами предавал... Наша же архиерейская честь... не есть наша собственная, но честь апостольская, заключающая в себе самого Христа, честь, на которую апостол Павел рассмотрение имея в 1 Послании Коринфе глаголет “добре мне чаде умереть, нежели похвалу мою кто да испразднит”»⁵⁶. Митрополит решил это дело так, как уже было ему привычно: отлучил Донского от входа церковного и всех треб христианских, до принесения истинного покаяния. Донской объяснил дерзость свою глупостью и выпивкой «...от излишней в компании подгулки и по многомыслию»⁵⁷. Хоть один не соврал.

В заключение следует упомянуть два дела, которые непосредственно касаются богословской позиции митрополита Арсения Мацевича. Это дело архимандрита Владимира Каллиграфа и дело Петра Волчка.

Посадский человек Петр Волчок — житель города Романов — обладал фамильной, по его словам, иконой образом Божией Матери Казанской, которую вознамерился забрать из церкви Преображения Господня в Романове и поместить для поклонения в каменную придорожную часовню для сбора подаваний. Часовня почиталась в народе как место упокоения мощей прп. Онуфрия и обещала дать Волчку неплохой доход. По городам поползли слухи о неких чудесах и исцелениях, случившихся от иконы, и нехитрое следствие показало, что источник этих слухов сам Петр Волчок. Рассмотрение иконы также показало, что она старообрядческого письма. Дело представилось митрополиту следующим образом: старообрядческая община Ростова, с которой владыка немилосердно боролся, на каждой почти проповеди обличая «бороды жидовские и два перста арменские»⁵⁸, задумала подложными чудесами привлечь в общину ростовскую паству и денежные средства, тем самым порушив его, митрополита, дело борьбы с расколом. Преосвященный, как и его наставник в богословии преосвященный митрополит и местоблюститель Патриаршего престола Стефан Яворский, считал, что всех расколоучителей следует прибить, как Илия жрецов Бааловых⁵⁹. Посему тут же послал к Волчку своего слугу понытчика Петра Ивановича Пчелина, чтобы икону изъять, а Волчка взять под стражу. Увидев икону, Пчелин, человек видимо недалекий, попытался пальцем соскоблить двуперстную руку Богомладенца и уже через секунду выяснял на повышенных тонах отношения с оскорбленным старообрядцем. Арестованный и приведенный в консисторию Волчок сначала получил по уху от секретаря Горяинова, а потом подрался с уже знакомым нам Пчелиным. По словам Волчка, Пчелин уже совсем хотел было прибить раскольника стулом, но вышел на шум какой-то архимандрит, дерущихся разняли и Волчка отправили под стражей в Борисоглебский монастырь. По дороге Петр крикнул «слово и дело» и был отправлен в Преображенский приказ, где за явно ложный донос был бит палками и отпущен. Однако притязаний своих Волчок не оставил. Он продолжал писать доносы на преосвященного, утверждая, что на слова его, Петра Волчка, что он-де пожалуется на митрополита за самоуправство самой императрице Арсений-де сказал, что ему, митрополиту, императрица-де не указ и что он сам себе императрица, никто мне не указ и т. п. Зная характер владыки, думается, что он действительно мог сказать, что-то в этом роде, но так ли глуп был священномученик, чтобы говорить такие дерзости

⁵³ Там же. С. 606.

⁵⁴ См.: Толстой Ю. Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1871). М., 1872. № 101.

⁵⁵ Консисторское дело № 779 от 1758 г.

⁵⁶ Троицкий С. А. Цит. соч. С. 82; Консисторское дело № 85 от 1754 г.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См., например: Поучение на день Успения пресвятыя Богородицы. «Мария же благуя часть избра яже не отнимется от нея» // Проповеди Арсения (Мацевича) 1740–1760. Т. 1. (рукопись). Ярославский Государственный архив. № 25 (229).

⁵⁹ См.: Стефан (Яворский), митр. Камень веры. М., 1728. С. 1187.

при заклятом своем враге? Так что и у судей розыскной канцелярии, да и у нас ныне нет сомнения — Волчок лгал. За свой ложный донос и распространение раскола Волчок был забит в колодники, а часовню, вокруг которой было сломано столько копий, разобрали «как место раскольнических мольбищ».

Следующее и последнее в этой статье дело было также связано с иконопочитанием, но совершенно в другом ключе. В 1759 г. в Ростовскую семинарию прислан был из Москвы ученый монах Владимир Каллиграф. Был он человеком довольно известным, префектом Московской духовной академии, преподавателем богословия, риторики и один из первых в свое время юристов⁶⁰. В Ростовскую епархию он попал в ссылку после весьма смелой и такой же спорной проповеди, где говорил, что усердное упование москвичей на чудотворные иконы, на помощь Богородицы и апостолов. «Сами апостолы чем угодили Богу? Одним ли призыванием святых, котораго тогда в обычае не было? ...никакой помощи ни от святых, ни от Богоматери, а о иконах и говорить нечего, получить не возмогут, кроме оной пользы которую получили Вааловы пророцы»⁶¹. Проповедь при желании можно было истолковать как протест против суетного и суеверного обычая богатыми дарами откупаться от своей совести, говорилось там и о преувеличенном, по мнению Каллиграфа, почитании Богородицы и святых в ущерб поклонению Господу Иисусу Христу. Но были и строки, подобно вышеприведенным, от которых неприкрыто веяло кальвинизмом (преосвященный Арсений позже прибавит: «и жидовством»), да и православному народу в храме было не до богословских тонкостей Каллиграфа. В общем, у префекта взяли объяснительную, где он уверял всех в своем православии, и отправили от греха подальше в Ростовскую семинарию на перевоспитание к грозе лютеран — митрополиту Арсению. Арсений, однако, против ожидания рад совершенно не был. Он сам писал заключение о неправославности учения Владимира Каллиграфа, и подобные учителя-проповедники ему в семинарии даром были не надобны. Потому первое, что предпринял владыка, это потребовал от Каллиграфа письменного и подробного отречения от своих взглядов. Громадный опыт полемического общения с различного рода еретиками, расколоучителями и кальвинистами не подвел преосвященного. Каллиграф наотрез отказался отречься повторно, говоря, что уже каялся раз в Москве, перед Синодом, а если владыка не верит заключению Синода, то он, Каллиграф, поделаться тут ничего не может. Да и вообще, покаяние его для простых-де. Вновь перед взором владыки явился призрак Возницына. Священномученик определил для себя Каллиграфа как «волка в овечьей шкуре», сместил в настоятельства Спасоярославского монастыря и посадил под своего рода домашний арест до окончательного решения Синода. В таком состоянии Владимир Каллиграф заболел и скоропостижно умер, чем и прекратил свое интересное и неоднозначное дело.

Заканчивая наше рассмотрение можно сделать вывод, что в обстановке судебного разбирательства, т. е. там, где проявляются как самые отрицательные, так и самые положительные качества человеческой природы, священномученик Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский и Ярославский, оставался всегда неустанным защитником интересов Христовой Церкви, сберегателем Ее имуществ, пастырем добрым для народа вверенной ему епархии и строгим, справедливым и нелицеприятным обличителем человеческих пороков. Нигде и ни разу, даже и до смерти, священномученик Арсений не изменил своим богословским, гражданским и государственным позициям и принципам, оставаясь при этом человеком своего времени.

⁶⁰ См. о нем: *Смирнов*. История московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855; *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909.

⁶¹ *Барсов Н. И.* Малоизвестные проповедники XVIII столетия // Христианское чтение. 1874. Ч. 1. С. 273.